

Хайдеггер Мартин Пять главных рубрик в мысли Ницше filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Мартин Хайдеггер

Пять главных рубрик в мысли Ницше.

Первое философское применение слова “нигилизм” идёт, по-видимому, от фр. Г. Якоби. В его открытом письме к Фихте очень часто встречается слово “ничто”. Потом говорится:

“Поверьте, мой дорогой Фихте, меня нисколько не расстроит, если вы или кто бы то ни было назовёте химеризмом учение, противопоставленное мною идеализму, который я уличаю в нигилизме...” (Fr. H. Jacobi's Werke, 3. Bd., Leipzig 1816, S. 44; из письма Якоби к Фихте, впервые опубликованного осенью 1799).

Слово “нигилизм” вошло позднее в оборот через Тургенева как обозначение того воззрения, что действительно существует только сущее, доступное чувственному восприятию, т. е. собственному опыту, и кроме нет ничего. Тем самым отрицается всё, что основано на традиции, власти и каком-либо ином авторитете. Для этого мировоззрения, однако, большей частью применяется обозначение “позитивизм”. Слово “нигилизм” применено Жан-Полем в его “Подготовительной школе эстетики”, §§ 1 и 2, для обозначения романтической поэзии как поэтического нигилизма. Сюда надо прибавить для сравнения “Объяснительное слово” Достоевского к его пушкинской речи (1880; WW, herausgegeben von Moeller v. b. Bruck, II. Abt., Band XII, 95 f.). Место, о котором идёт речь, звучит так:

“В речи моей я хотел обозначить лишь следующие четыре пункта в значении Пушкина для России. 1) То, что Пушкин первый своим глубоко прозорливым и гениальным умом и чисто русским сердцем своим отыскал и отметил главное и болезненное явление нашего интеллигентного, исторически оторванного от почвы общества, возвысившегося над народом. Он отметил и выпукло поставил перед нами отрицательный тип наш, человека беспокоящегося и не примиряющегося, в родную почву и в родные силы её не верующего, Россию и себя самого (то есть своё же общество, свой же интеллигентный слой, возникший над родной почвой нашей) в конце концов отрицающего, делать с другими не желающего и искренно страдающего. Алеко и Онегин породили потом множество подобных себе в нашей художественной литературе”.

Для Ницше, однако, значение слова “нигилизм” существенно “шире”. Ницше говорит о “европейском нигилизме”. Он подразумевает под этим не распространяющийся около середины 19 века позитивизм и его географическую экспансию по Европе; “европейский” имеет здесь историческое значение, равносильное “западному” в смысле истории Запада. “Нигилизм” употребляется Ницше как название им впервые опознанного, пронизывающего предыдущего века и определяющего собою ближайшее столетие исторического движения, истолкование самой сути которого он сводит к короткому тезису: “Бог умер”. Это значит: “христианский Бог” утратил свою власть над сущим и над предназначением человека. “Христианский Бог” здесь одновременно служит ведущим представлением для “сверхчувственного” вообще и его различных истолкований, для “идеалов” и “норм”, для “принципов” и “правил”, для “целей” и “ценностей”, которые учреждены “над” сущим, чтобы придать сущему в целом цель, порядок и – как вкратце говорят – “смысл”. Нигилизм есть тот исторический процесс, в ходе которого “сверхчувственное” в его господствующей высоте становится шатким и ничтожным, так что само сущее теряет свои ценность и смысл. Нигилизм есть та самая история сущего, когда медленно, но неудержимо выходит на свет смерть христианского Бога. Не исключено, что в этого Бога ещё долго будут верить и считать его мир “действительным” и “определяющим”. Это похоже на то явление, когда свет тысячелетия назад погасшей звезды ещё виден, но при всём своём свечении оказывается чистой “видимостью”. Нигилизм не есть поэтому для Ницше какое-то воззрение с такими-то “представителями”, он и не отдельно взятая историографическому описанию. Нигилизм есть, напротив, то долговечное событие, от которого существенно меняется истина о сущем в целом, тяготея к обусловленному ею концу.

Хайдеггер Мартин Пять главных рубрик в мысли Ницше filosoff.org Истина о сущем в целом издавна носит название “метафизики”. Всякая эпоха, всякое человеческое множество опирается на ту или иную метафизику и через неё встают в определённое соотношение к совокупности сущего и тем самым также и к самим себе. Конец метафизики раскрывается как упадок власти сверхчувственного и порождённых им “идеалов”. Конец метафизики, однако, никоим образом не означает прекращения истории. Это начало серьёзного отношения к вышеупомянутому “событию”: “Бог умер”. Начало это уже пошло в ход. Сам Ницше понимает свою философию как введение начала новой эпохи. Наступающее, т. е. теперешнее 20 столетие он видит как начало такой эпохи, чьи сдвиги не будут поддаваться сравнению с прежде известными. Кулисы мирового театра могут ещё какое-то время оставаться старыми, разыгрывающаяся пьеса уже другая. Исчезновение при этом прежних целей и обесценение прежних ценностей воспринимается уже не как голое уничтожение и не оплакивается как ущерб и утрата, но приветствуется как решительное приобретение и понимается как завершение.

“Нигилизм” есть приходящая к господству истина о том, что все прежние цели сущего пошатнулись. Но с изменениями прежнего отношения к ведущим ценностям нигилизм достигает также полноты, становится свободной и чистой задачей установления новых ценностей. Достигший в себе полноты и задающий норму для будущего нигилизм может быть обозначен как “классический нигилизм”. Ницше характеризует этим наименованием свою собственную “метафизику”, понимая её как “отпор” всем прежде существовавшим. Слово “нигилизм” утрачивает тем самым своё чисто нигилистическое значение, поскольку под этим термином “нигилизм” понималось уничтожение и разрушение прежних ценностей, низведение сущего до голого ничто и бесперспективность человеческой истории.

“Нигилизм”, классически понятый, означает теперь, наоборот, освобождение от прежних ценностей как освобождение для некой переоценки всех (этих) ценностей. Выражение “переоценка всех прежних ценностей” наряду с ведущим словом “нигилизм” служит Ницше в качестве второй главной рубрики, указывающей на место и назначение его принципиальной метафизической позиции внутри истории западной метафизики.

Под этой рубрикой “переоценки ценностей” мы представляем себе выдвижение видоизменённых ценностей на место всех прежних ценностей. Однако для Ницше “переоценка” означает, что исчезает именно “место” для прежних ценностей, а не так, что просто расшатываются они сами. Иначе говоря: изменяются вид и направленность полагания ценностей и определение сути ценностей. Этой переоценкой бытие впервые осмысливается как ценность. Тем самым метафизика становится мышлением в ценностях. В эту перемену входит то, что не просто все прежние ценности падают жертвой обесценения, но что прежде всего лишается корней сама потребность в ценностях прежнего рода на их прежнем месте, а именно в сверхчувственном. Искоренение прежних потребностей всего надёжнее произойдёт путём воспитания растущей нечувствительности к прежним ценностям, путём изглаживания из памяти прежней истории посредством переписывания её основных моментов. “Переоценка прежних ценностей” есть прежде всего перемена в прежнем полагании ценностей и “возвращение” новых ценностных потребностей.

Если такая переоценка всех прежних ценностей должна быть не только предпринята, но и обоснована, то для этого требуется какой-то “новый принцип”, т. е. такой подход, при котором сущее в целом было бы подвергнуто принципиально новому определению. А это истолкование сущего в целом не будет исходить от какого-то заранее “над” ним поставленного сверхчувственного только в случае, если новые ценности и критерий их оценки будут почерпаться из самого сущего. Само сущее в таком случае нуждается в каком-то новом истолковании, чтобы его принципиальные черты получили определение, делающее его пригодным служить в качестве “принципа” составления таблицы ценностей и в качестве масштаба для них соответствующего упорядочения по рангу.

Если установление истины о сущем в целом составляет существо метафизики, то переоценка всех ценностей как установление принципа нового полагания ценностей будет сама по себе метафизикой. В качестве основополагающей черты сущего в целом Ницше продумывает и учреждает то, что он называет “волей к власти”. Этим понятием не просто охватывается то, что есть сущее в своём бытии. Эта рубрика “воля к власти”, после Ницше ставшая расхожей в своих разных смыслах, содержит в себе для Ницше истолкование существа власти. Всякая власть есть власть лишь постольку и до тех пор, пока она

Хайдеггер Мартин Пять главных рубрик в мысли Ницше filosoff.org больше-власть, т. е. возрастание власти. Власть способна держаться в самой себе, т. е. в своём существе, только превосходя и превышая, мы говорим: овладевая всякой достигнутой ступенью власти, т. е. самою же собой. Коль скоро власть останавливается на какой-то ступени власти, она уже становится немощью власти. “Воля к власти” никоим образом не означает лишь “романтическое” желание и стремление чего-то ещё безвластного к захвату власти, а смысл “воли к власти” таков: самоуполномочение власти на превосхождение себя самой.

“Воля к власти” есть, короче, обозначение основной черты сущего и существа власти. Вместо “воли к власти” Ницше часто говорит, давая лёгкий повод для недоразумений, о “силе”. Что Ницше понимает основную черту сущего как волю к власти, не вымысел и не произвол фантаста, сбившегося с пути в охоте за химерами. Здесь фундаментальный опыт мыслителя, т. е. одного из тех одиночек, у которых нет выбора и которые неизбежно должны дать слово тому, что есть сущее в истории своего бытия. Всё сущее, насколько оно есть и есть так, как оно есть, – это “воля к власти”. Эта рубрика именует то, откуда исходит и куда возвращается всякое полагание ценностей. Новое положение ценностей, однако, согласно сказанному, не потому лишь становится “переоценкой всех прежних ценностей”, что на место прежних ценностей помещает в качестве верховной ценности власть, но сначала и прежде всего потому, что власть сама и только она полагает ценности, поддерживает их значимость и единолично решает о возможности обоснования тех или иных оценок. Если всё сущее есть воля к власти, то “имеет” ценность и “есть” как ценность только то, что исполняется властью в её существе. Чем сущностнее власть и чем исключительнее определяет она собою всё сущее, тем менее она признаёт что-либо вне себя самой за ценностное и ценное. Это значит: воля к власти как принцип нового полагания ценностей не терпит никакой другой цели за пределами сущего в целом. Поскольку же всё сущее в качестве воли к власти, т. е. никогда не иссякающего самопревозмогания, должно быть постоянным “становлением”, при том что это “становление” никогда не может “про-” и “вы”двинуться за пределы самого себя к какой-либо “цели”, но напротив, очерченное кругом возрастаия власти, возвращается снова и снова только к ней, то и сущее в целом, будучи таким властным становлением. должно само снова и снова возвращаться к себе и приводить к тому же самому.

Основная черта сущего как воли к власти определяется потому ещё и как “вечное возвращение того же самого”. Тем самым мы называем ещё одну главную рубрику метафизики Ницше и сверх того обозначаем нечто существенное: только из достаточно понятого существа воли к власти становится видно, почему бытие сущего в целом должно быть вечным возвращением того же самого; и наоборот: только из существа вечного возвращения того же самого можно схватить средоточие, существенное ядро воли к власти и её необходимость. Обозначение “воля к власти” показывает, что есть сущее в своём “существе” (конституции). Обозначение “вечное возвращение того же самого” показывает, как должно существовать сущее такой природы в целом.

Здесь остаётся заметить то решающее обстоятельство, что вечное возвращение того же самого должно было быть продумано Ницше до воли к власти. Существеннейшая мысль продумывается первой.

Когда Ницше сам подчёркивает, что бытие в качестве “жизни” есть по сути “становление”, то под этим грубым понятием “становление” он подразумевает не бесконечное поступательное движение к неизвестной цели и думает не о мутном вихре и буре разнужданных влечений. Неточная и давно стёршаяся рубрика “становление” означает: самовозобладание власти как существа власти, которая возвращается к себе самой и постоянно восстанавливает себя в своей природе.

Вечное возвращение того же самого служит вместе с тем наиболее заострённым истолкованием “классического нигилизма”, который безоговорочно уничтожил всякую цель вне и выше сущего. Для этого нигилизма слова “Бог умер” означают не только безвластие христианского Бога, но и безвластие всего сверхчувственного, чьему человек должен и хотел бы подчиниться. Это безвластие означает в свою очередь распад прежнего порядка.

С переоценкой всех прежних ценностей человек встаёт поэтому перед безусловным требованием: беспредпосылочно, самостоятельно, самочинно и самообязывающе учредить “новую разметку поля”, в рамках которого должно происходить упорядочение сущего в целом по новому распорядку. Поскольку “сверхчувственное”, “потустороннее” и “небо” уничтожены, остаётся только

Хайдеггер Мартин Пять главных рубрик в мысли Ницше filosoff.org “земля”. Новым порядком должно поэтому быть: абсолютное господство чистой власти над земным шаром через человека; не через какого угодно человека и уж конечно не через прежнее, живущее под знаком прежних ценностей человечество. Тогда через какого же человека?

С нигилизмом, т. е. с переоценкой всех прежних ценностей внутри сущего как воли к власти и перед лицом вечного возвращения того же самого становится необходимым новое полагание существа человека. Поскольку же “Бог умер”, мерой и средоточием для человека может стать только сам человек: “тип”, “образ” человечества, которое берёт на себя задачу переоценки всех ценностей в масштабах единственной власти воли к власти и настроено вступить в абсолютное господство над земным шаром. Классический нигилизм, в качестве переоценки всех прежних ценностей понимающий всё сущее как волю к власти и способный признать вечное возвращение того же самого единственной “целью”, должен выдвинуть самого – а именно прежнего человека – “поверх” себя и воздвигнуть в качестве мерила образ “сверхчеловека”. Поэтому в “Так говорил Заратустра”, IV часть, “О высшем человеке”, разд. 2, сказано: “Вперёд! Ввысь! Вы, высшие люди! Только теперь гора Человека-Будущего мучится в родах. Бог умер: теперь хотим мы – чтобы жил Сверхчеловек” (VI, 418).

Сверхчеловек есть высший образ чистейшей воли к власти, т. е. единственно ценного. Сверхчеловек, безусловное господство чистой моци, есть “смысл” (цель) единственного сущего, т. е. “земли”. – “Не “человечество”, но сверхчеловек есть цель!” (“Воля к власти”, п 1001 и 1002). Сверхчеловек есть в воззрении и мнении Ницше не просто увеличение прежнего человека, но тот высший однозначный образ, человечества, который в качестве безусловной воли к власти в каждом человеке на разной ступени восходит к власти, наделяя тем самым человека принадлежности к сущему в целом, т. е. к воле к власти, и удостоверяя его как истинно “сущего”, близкого к действительности и к “жизни”. Сверхчеловек просто оставляет позади себя человека прежних ценностей, “превосходит” его и перекладывает легитимацию всех прав и установление всех ценностей на властвование чистой власти. Всякое действие и достижение расценивается как таковое лишь пока и поскольку оно служит оснащению и возвращению воли к власти.

Названные пять главных рубрик – “нигилизм”, “переоценка всех прежних ценностей”, “воля к власти”, “вечное возвращение того же”, “сверхчеловек” – показывают метафизику Ницше каждый раз в одном, но всегда определяющем целое аспекте. Ницшевская метафизика поэтому понята тогда и только тогда, когда названное в её пяти главных рубриках продумано, т. е. сущностно осмысленно в его исходной и сейчас только лишь намеченной взаимопринадлежности. Что такое “нигилизм” в смысле Ницше, удастся поэтому узнать только если мы одновременно и во взаимосвязи поймём, что такое “переоценка всех прежних ценностей”, что такое “воля к власти”, что такое “вечное возвращение того же”, что такое “сверхчеловек”. Поэтому на возвратном пути от удовлетворительного понимания нигилизма может быть также подготовлено уже и знание о существе переоценки, о существе воли к власти, о существе вечного возвращения того же, о существе сверхчеловека. Такое знание, в свою очередь, есть стояние внутри момента, открытого историей бытия для нашего времени.

Если мы здесь говорим о “понятиях”, “понимании” и “мышлении”, то дело идёт, конечно, не о пустом формулирующем очерчивании того, что надлежит иметь в представлении при назывании приведённых главных рубрик. Понять означает здесь: иметь знающий опыт именуемого в его существе и тем самым знать, в каком моменте потаённой истории Запада мы “ стоим”; стоим ли мы в нём, или падаем, или уже лежим, либо же ни в отношении первого ничего не ощущаем, ни вторым не затронуты, но просто цепляемся за обманчивые образы обыденного мнения и привычных занятий и только блуждаем по кругу пустого недовольства собственной личностью. Мыслящее знание имеет последствием практическое поведение не только в порядке следствия из якобы просто “абстрактного учения”. Мыслящее знание есть в себе поведение, ведомое не тем или иным сущим, но бытием и в бытии.

Осмысливать “нигилизм” не значит поэтому носить в голове “обобщающие мысли” о нём и в качестве наблюдателей уклоняться от действительного. Осмысливать “нигилизм” значит, наоборот, стоять внутри того, в чём все деяния и всё действительное этой эпохи западной истории имеют своё время и своё пространство, своё основание и свои подосновы, свои пути и цели, свой порядок и свою легитимацию, свою достоверность и необеспеченнность – одним

Хайдеггер Мартин Пять главных рубрик в мысли Ницше filosoff.org словом: свою “истину”.

Из того, что существо “нигилизма” мы обязательно должны продумывать в связи с “переоценкой всех ценностей”, с “волей к власти”, с “вечным возвращением того же”, со “сверхчеловеком”, уже можно догадаться, что существо нигилизма в себе многозначно, многостепенно и многообразно. Имя “нигилизм” допускает поэтому разнообразное применение. Можно швыряться термином “нигилизм” как бессодержательным громким модным словом, призванным одновременно сразу и отпугнуть и ославить, и обмануть злоупотребляющего им насчёт его собственного безмыслия. Мы можем и другое: ощутить полную тяжеловесность того, что этот термин говорит в смысле Ницше. Это будет тогда означать: помыслить историю западной метафизики как основание нашей собственной истории и, таким образом, будущих решений. Мы можем, наконец, осмыслить то, что мыслил в этом имени Ницше, ещё существеннее, поняв “классический нигилизм” Ницше как тот нигилизм, чья “классичность” состоит в том, что он вынужден, не зная того, занимать позицию отчаянной обороны против знание своего внутреннейшего существа. Классический нигилизм тогда раскрывается как завершение нигилизма, когда этот последний считает себя изъятым из необходимости осмысливать как раз то, что составляет его существо: *nihil*, ничто – как завесу истины бытия сущего.

Ницше не представил своё познание европейского нигилизма в той замкнутой взаимосвязанности, которая, наверное, маячила его внутреннему взору, чистый образ которой мы не знаем и никогда уже не сможем “вывести” из сохранившихся фрагментов.

Вместе с тем внутри круга своей мысли Ницше во всех существенных направлениях, степенях и видах продумал то, что подразумевается рубрикой “нигилизм”, и закрепил продуманное в записях различного объёма и различной отчётливости запечатления. Часть их, однако часть с местами произвольным и случайным характером отбора, позднее собрана в книгу, скомпонованную после смерти Ницше из его наследия и известную под заголовком “Воля к власти”. Взятые из наследия фрагменты по своему характеру между собой совершенно различны: соображения, размышления, определения понятий, тезисы, требования, пророчества, наброски более длинных мыслительных ходов и краткие заметки. Эти избранные фрагменты распределены по заголовкам четырёх книг. При этом распределении в книгу, существующую с 1906 года, фрагменты были помещены никоим образом не по времени их первоначальной записи или их переработки, но по неясному и притом невыдержанному собственному плану издателей. В изготовленной таким образом “книге” произвольно и неосмысленно совмещены и переплетены ходы мыслей из совершенно разных периодов не разных уровнях и в разных аспектах искания. Всё опубликованное в этой “книге” – действительно записи Ницше, и тем не менее он так никогда не думал.

Фрагменты носят сплошную нумерацию от 1 до 1067 и на основе этого цифрового обозначения их легко найти в различных изданиях. Первая книга – “Европейский нигилизм” – охватывает номера от 1 до 134. Насколько, однако, также и другие фрагменты из наследия, либо включённые в три следующие книги, либо вообще не вошедшие в эту посмертно изданную книгу, с равным, а то и с большим правом принадлежат к рубрике “Европейский нигилизм”, мы не должны здесь выяснять. В самом деле, мы хотим продумать ницшевскую мысль о нигилизме как знание мыслителя, выходящего своей мыслью в историю мира. Подобные мысли никогда не остаются просто возврениями этого вот отдельного человека; в ещё меньшей мере они являются пресловутым “выражением своей эпохи”. Мысли мыслителя ранга Ницше – отголосок ещё не познанной истории бытия в слове, которое исторический человек говорит на его, бытия, “языке”.

Мы, нынешние, однако, ещё не знаем причины, почему самое сокровенное в метафизике Ницше не могло быть вверено общественности им самим, но осталось таящимся в наследии; всё ещё таящимся, хотя это наследие в основном, пусть в очень обманчивом облике, стало доступным.

Ницшевское “моральное” истолкование метафизики

Если “истина”, т. е. истинное и действительное, выводится и возводится, в некий самосущий мир, то это подлинно сущее выступает как нечто такое, чему должна покориться вся человеческая жизнь. Истинное есть само по себе должное и желанное. Человеческая жизнь только тогда на что-то годится, только тогда определена истинными добродетелями, когда эти последние только к тому устремлены и только тому способствуют, чтобы осуществить желанное и должное, следовать за ними и так подчинить себя “идеальному”.

Человек, самоотрекающийся перед идеалами и прилежно стремящийся их исполнить, есть добродетельный, годный, т. е. "хороший человек". Продуманное в ницшевском смысле, это означает: Человек, волящий сам себя как такого "хорошего человека", учреждает над собой сверхчувственные идеалы, которые дают ему то, чему он должен подчиниться, чтобы в осуществлении этих идеалов обеспечить себе жизненную цель.

Воля, волящая этого "хорошего человека", есть воля к подчинению идеалам как чему-то такому, что дано само по себе, над чем человек не может уже иметь больше никакой власти. Воля, волящая "хорошего человека" и его идеалы, есть воля к власти этих идеалов и тем самым воля к бессилию человека. Воля, волящая хорошего человека, есть, конечно, тоже воля к власти, но в образе бессилия человека для власти. Этому бессилию человека для власти прежние верховные ценности обязаны своей проекцией в сверхчувственное и своим возвышением до мира "в себе" как единственно истинного мира. Воля, волящая "хорошего человека" и "хорошее" в этом смысле, есть "моральная" воля.

Под моралью Ницше понимает большей частью систему таких оценок, в которых сверхчувственный мир полагается как определяющий и желанный. Ницше понимает "мораль" всегда "метафизически", т. е. в аспекте того, что в ней выносится решение о совокупности сущего. В платонизме это достигается разделением сущего на два мира, сверхчувственный мир идеалов, должного, самоистинного – и чувственный мир стремления, усилия и самоподчинения самоценному, которое, будучи безусловным, обуславливает собою всё. Поэтому Ницше может сказать (№ 400):

"В истории морали выражается, таким образом, воля к власти, с которой то рабы и угнетённые, то неудачники и тяготящиеся собой, то посредственности делают попытку провести им благоприятные ценностные суждения".

Соответственно этому говорится (№ 356):

"Смиренным, прилежным, благожелательным, умеренным: таким вы хотите человека? хорошего человека? Но, чудится мне, это просто идеальный раб, раб будущего".

И в № 358:

"Идеальный раб ("добрый человек"). – кто себя не может поставить "целью", вообще не может от себя вводить цели, тот отдаёт честь морали лишения самости – инстинктивно. В ней убеждает его всё: его разумность, его опыт, его суетность. И вера тоже есть некое лишение самости".

Вместо лишения себя самости мы можем также сказать: отказ от того, чтобы самого себя поставить повелевающим, т. е. бессилие к власти, "уклонение от воли к бытию" (№ 11). Бессилие к власти есть, однако, лишь "особый случай" воли к власти, и в этом заложено: "Прежние верховные ценности суть особый случай воли к власти" (XVI, 428). Введение этих ценностей и их возведение в сверхчувственный мир в себе, которому призван подчиниться человек, происходит от "умаления человека" (№ 898). всякая метафизика типа введения сверхчувственного мира как истинного над чувственным как мнимым возникает из морали. Отсюда тезис:

"это не больше чем моральный предрассудок, что истина ценнее видимости" ("По ту сторону добра и зла", № 34; VII, 55).

В том же сочинении Ницше определяет сущность морали так:

"Мораль понимается именно как учение об отношениях господства, при которых возникает феномен "жизнь". – " (там же, № 19; VII, 31).

И в "Воле к власти" (№ 256):

"Я понимаю под "моралью" систему оценок, соприкасающуюся с условиями жизнедеятельности того или иного существа".

Здесь Ницше понимает мораль, правда, также "метафизически" в отношении к сущему в целом и к возможности жизни вообще, а не "этически" в аспекте "жизненного поведения", но он уже не думает о единой морали, обуславливающей платонизм. "Мораль" и "мораль" поэтому и в метафизическом

Хайдеггер Мартин Пять главных рубрик в мысли Ницше filosoff.org значении для Ницше не одно и то же. С одной стороны, мораль означает в формальном, наиболее широком смысле всякую систему оценок и отношений господства; мораль здесь понимается настолько широко, что и новые оценки тоже могут быть названы “моральными”, лишь потому, что ими устанавливаются условия жизнедеятельности. Во-вторых, однако, и как правило мораль означает, по Ницше, систему тех оценок, которые включают в себя введение безусловных верховных ценностей в себе в смысле платонизма и христианства. Мораль есть мораль “хорошего человека”, который живёт из противоположности и внутри противоположности к “злу” и не “по ту сторону добра и зла”. Поскольку метафизика Ницше стоит “по ту сторону добра и зла”, пытаясь прежде всего выработать и занять эту позицию как принципиальную и основополагающую, постольку Ницше вправе называть себя “имморалистом”.

Этот титул никоим образом не означает, что мысль и настроение неморальны в смысле занятия позиции против “добра” и за “ зло”. Без морали – это означает: по ту сторону добра и зла. Это опять же не означает: вне всякой законности и порядка, но – внутри необходимости нового полагания другого порядка против хаоса.

Мораль “доброго человека” – источник прежних верховных ценностей. Добрый человек полагает эти ценности как безусловные. Таким образом они оказываются условиями его “жизни”, которая, будучи бессильной к власти, требует для себя возможности заглянуть в вышележащий сверхчувственный мир. Отсюда мы теперь понимаем также, что в заключительной части № 12 Ницше подразумевает под “гиперболической наивностью” человека.

“добрый человек” этой “морали” есть, мысля метафизически, тот человек, который ничего не подозревает о происхождении ценностей, которым он подчиняет себя как безусловным идеалам. Это неподозревание о происхождении ценностей держит человека в стороне от всякого эксплицитного осмысления происхождения ценностей: а именно, что они суть установленные самою волей к власти условия её собственного поддержания. “Наивность” равнозначна с “психологической невинностью”; это означает, согласно ранее сказанному: незатронутость всяким пересчётом сущего и тем самым жизни с её условиями на волю к власти. Поскольку такому психологически невинному (“наивному”) человеку происхождение ценностей из властного человеческого оценивания остаётся скрытым, постольку наивный человек принимает ценности (цель, единство, цельность, истину) так, словно они пришли к нему откуда-то, спустились с неба и сами по себе как таковые возвышаются над ним, а ему остаётся только склониться перед ними. Наивность как незнание о происхождении ценностей из человеческой воли к власти поэтому сама по себе “гиперболична”. “Добрый человек” бросает, не зная того, ценности поверх через себя и бросает их тому, что существует само по себе. То, что обусловлено единственно лишь самим человеком, он считает, наоборот, безусловным, обращённым к человеку с требованиями. Потому свой пересчёт истоков веры на верховные ценности и категории разума он заключает, как вообще весь фрагмент 12, фразой:

“это всё ещё та же гиперболическая наивность человека, вводить самого себя как смысл и меру ценности вещей”.

Несмотря на только что проведённое прояснение выражения “гиперболическая наивность”, и теперь ещё остаётся опасность, что мы поймём эту важную заключительную фразу фрагмента № 12 в принципе ошибочно. Она содержит слишком сжатое и потому легко перетолковываемое подытожение важной мысли. А именно, нам могли бы, ссылаясь на фразу Ницше, поставить на вид, что судя по буквальному смыслу фразы Ницше говорит противоположное тому, что мы прояснили как существо гиперболической наивности. Если наивность действительно заключается в незнании происхождения ценностей из властного оценивания самим человеком, то как же тогда ещё будет “гиперболической наивностью” “вводить самого себя как смысл и меру ценности вещей”? Это последнее всё-таки совсем непохоже на наивность. Тут высшая сознательность самоставящего человека, выраженная воля к власти и никоим образом не бессилие к власти. Если бы мы должны были понимать фразу так, то Ницше, выходит, говорил бы: “гиперболическая наивность” заключается в том, чтобы совершенно не быть наивным. Подобного безмыслия мы у Ницше предполагать не вправе. Что же тогда сказано во фразе? По ницшевскому определению существа ценностей, ценности, полагаемые в незнании об их происхождении, тоже должны возникать из человеческих полаганий, т. е. таким способом, что человек сам себя полагает как смысл и меру ценности: наивность заключается не в том, что человек полагает ценности и функционирует как их смысл и ценностный

Хайдеггер Мартин Пять главных рубрик в мысли Ницше filosoff.org масштаб. Человек выдаёт свою наивность постольку, поскольку он полагает ценности в качестве представшей ему “сущности вещей”, без знания о том, что это он их полагает и что полагает их в нём каждый раз воля к власти.

Человек остаётся увязать в своей наивности, пока не берёт всерьёз то знание, что он один полагает ценности, что ценности всегда могут быть лишь им же обусловленными условиями сохранения, обеспечения и возрастания его жизни. При поверхностном чтении фраза соблазняет думать, будто Ницше требует – в противоположность практике наивного полагания ценностей, всегда перекладывающей человеческие ценности в сами вещи и тем очеловечивающей всё сущее, – такого познания и определения сущего, при которых избегалось бы всякое очеловечение. Но как раз это истолкование фразы было бы ошибочным; ибо не в очеловечении вещей порок наивности, а в том, что очеловечение осуществляется не сознательно. Наивность есть в себе нехватка воли к власти, ибо от неё ускользает знание, что установление мира по образу человека и через человека есть единственный истинный способ всякого мироистолкования и тем самым тот, на который в конце концов метафизика должна пойти решительно и безоговорочно. Прежние верховые ценности потому могли достичь своего ранга и значимости, что человек сам себя поставил смыслом и масштабом вещей, но сделал это не сознательно, оставшись, наоборот, при мнении, что установленное им – подарок вещей, от них самих ему принесённый. В наивном полагании ценностей, конечно, тоже правит, как во всяком полагании ценностей, по сути воля к власти. Но воля к власти здесь – пока ещё бессиление к власти. Власть властвует здесь ещё не как специально осознанная и овладевшая сама собой.

Что при введении верховых ценностей человеческие полагания приписываются вещам, происходит для Ницше с полным правом. Вместе с тем очеловечение сущего тут ещё невинно и потому не безусловно. Поскольку ближайшим образом собственный, а именно властный источник прежних верховых ценностей остаётся потаённым, но оставаться всегда потаённым с пробуждением и возрастанием человеческого самосознания не может, постольку с растущим прозрением в исток ценностей вера должна пошатнуться. Однако прозрение в источник ценностей, их человеческого полагания и очеловечения вещей не может и просто остановиться на том, чтобы после разоблачения источника ценностей и после падения ценностей мир стал выглядеть неценным. Так он был бы лишён всякой “ценности”, а тем самым и условий жизни, так что эта последняя не могла бы быть. Что, однако, перед лицом кажущейся неценности мира должно совершиться, в чём должна состоять переоценка прежних ценностей, из прозрения в источник ценностей уже решено и предначертано. Новые задачи Ницше подытожил в записи, восходящей к 1888 году и демонстрирующей нам предельную противоположность гиперболической наивности. Она гласит:

“Всю красоту и возвышенность, какими мы наделили действительные и воображённые вещи, я хочу затребовать назад как собственность и произведение человека: как его прекраснейшую апологию. Человек как поэт, как мыслитель, как бог, как любовь, как мощь, власть –: о, сверх того его царственная щедрость, с какой онсыпал подарками вещи, чтобы обеднить себя и себя чувствовать нищим! До сих пор его величайшим бескорыстием было то, что он изумлялся и молился и умел скрывать от себя, что это он создатель Того, чьему он изумлялся” (“Воля к власти”; XV, 241).

То. О чём говорит эта запись, достаточно ясно. Человек не должен больше раздаривать и одолживать, тем более подчиняться тому, чем сам же и одарил, словно чужому, такому, в чём нуждается жалкий человек; вместо этого человек должен затребовать всё для себя как свою собственность, что он сумеет только если заранее будет знать самого себя не жалким рабом перед сущим в целом, но наоборот, воззвигнет и утвердит самого себя в безусловном господстве. Это значит, однако, что он сам есть безусловная воля к власти, что он сам себя знает господином этого господства и сознательно решается на всякое исполнение власти, т. е. на постоянное возрастание властной мощи. Воля к власти есть “принцип нового полагания ценностей”. Воля к власти есть не только вид и способ, как, и средство, каким осуществляется полагание ценностей, воля к власти как существо власти есть единственная основная ценность, по которой должно оцениваться всё, что либо призвано иметь ценность, либо не вправе претендовать на какую-либо ценность. “всякое свершение, всякое движение, всякое становление как утверждение отношений степени и силы, как борьба...” (№ 552; весна – осень 1887). Что побеждено в этой борьбе, то, поскольку побеждено, неправо и неистинно. Что в этой борьбе остаётся наверху, поскольку побеждает, то в своём праве и истинно.

О чём идёт борьба, остаётся всегда, будучи осмысленно и желанно в качестве частной содержательной цели, вторичным по значению. Все цели борьбы и пароли борьбы всегда лишь и всегда пока ещё средства борьбы. О чём идёт борьба, заранее решено: это сама же власть, не нуждающаяся ни в каких целях. Она без-цельна, как совокупность сущего без-ценна. Эта без-цельность принадлежит к метафизическому существу власти. Если здесь вообще можно говорить о цели, то “цель” эта есть бесцельность безусловного господства человека над землёй. Человек этого господства есть сверх-человек. Люди часто ставят Ницше на вид, что его образ сверхчеловека неопределёнен, образ этого человека неуловим. До подобных суждений дело доходит только тогда, когда не понимают, что сущность сверх-человека состоит в выходении “сверх” прежнего человека. Тот требует и ищет “сверх” себя ещё каких-то идеалов и желанностей. Сверхчеловек, напротив, больше не нуждается в этом “сверх” и “там”, ибо он единственно человека самого волит, и именно не в каком-то особенном аспекте, но прямо как господина безусловного простирания воли полностью раскрытыми средствами господства, имеющимися на земле. В существе этого человеческого бытия заключено то, что всякая частная содержательная цель, всякая определённость этого рода оказывается несущественной и всегда – лишь случайным средством. Безусловная определённость ницшевской идеи сверхчеловека заключена как раз в том, что Ницше познал сущностную неопределенность безусловной власти, хотя не высказал её таким образом. Безусловная власть есть чистое сверхвластие как таковое, безусловное превосхождение, верховенство и повелевание, единственное и высшее.

Несоответствующие изображения ницшевского учения о сверхчеловеке имеют своё единственное основание всегда в том, что людям до сих пор не удавалось принять всерьёз философию воли к власти как метафизику и понять учение о нигилизме, о сверхчеловеке и прежде всего учение о вечном возвращении того же как необходимые ей составные части метафизически, а это значит – помыслить их из истории и существа западной метафизики.

Ницшевская запись (XV, 241) принадлежит к яснейшим и в своём роде красивейшим. Ницше говорит здесь о полуденной ясности высокого настроя, в силу которого новоевропейский человек предопределён быть безусловной серединой и единственной мерой сущего в целом. Фрагмент, конечно, поставлен в имеющемся посмертном издании книги (“Воля к власти”) на немыслимое место, к тому же оставлен вне сквозной нумерации и потому труднонаходим. Он стоит предисловием к 1-й главе (“Критика религии”) II книги (“Критика прежних верховных ценностей”). Вставление этого фрагмента на названное место доказывает, пожалуй, всего яснее всю проблематичность книги “Воля к власти”. Названный фрагмент промеряет простыми и уверенными шагами ницшевскую принципиальную метафизическую установку, и потому он должен был бы если уж служить предисловием, то ко всему тому главному произведению.

Почему эту запись мы привели как раз теперь, станет видно, как только мы заново проясним ход нашего вопрошания. Необходимо в противовес тому, что Ницше показывает в качестве истории метафизики, взглянуть с большей изначальностью в историю метафизики. В этих видах следовало прежде всего внести ещё большую ясность в ницшевское изображение и понимание метафизики. Оно “моральное”. “Мораль” означает здесь: система оценок. Всякое истолкование мира, будь то наивное или совершённое расчётиво, есть полагание ценностей и тем самым формирование и образование мира по образу человека. В особенности то законодательное полагание ценностей, которое всерьёз принимает открытие человеческого источника ценностей и приходит к завершённому нигилизму, призвано, собственно, понять и волить человека как законодателя. Оно должно в безусловном очеловечении всего сущего искать истинное и действительное.

Метафизика есть антропоморфия – образование и созерцание мира по образу человека. В метафизике, как Ницше её истолковывает и, главное, какою он её требует в качестве будущей философии, отношение человека к сущему в целом оказывается соответственно решающим. Тем самым за пределами ценностной идеи мы сталкиваемся с обстоятельством, которое почти навязано нам метафизикой воли к власти; ибо эта метафизика, к которой принадлежит учение о сверхчеловеке, выдвигает человека, как ни одна метафизика прежде, на роль безусловной и единственной меры всех вещей.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,

Хайдеггер Мартин Пять главных рубрик в мысли Ницше filosoff.org
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!